

Джалил Буриев уехал из Узбекистана в Россию 20 лет назад, когда ему было всего 18. Сначала он работал лесорубом в Хакасии и неплохо зарабатывал. Через четыре года после отъезда он вернулся домой и женился на Санобар, девушке из его селения в Кашкадарьинской области на юго-востоке Узбекистана.

Обзаведшись семьей, Буриев продолжал проводить большую часть времени в Хакасии, где через 10 лет он женился на местной женщине по имени Илона. Санобар, у которой с ним было две дочери, вынужденно дала согласие на второй брак мужа.

«А что мне было делать? Мой муж работает там уже 20 лет, и приезжает домой только раз в два года. Никогда не думала, что он меня так предаст. Я ходила к имаму за советом. Он сказал, что если мужчина способен содержать две семьи, то он вправе взять вторую жену», – сказала Санобар EurasiaNet.org.

Ранее в этом году Буриев вернулся в родное селение со своей хакасской женой и их шестилетней дочерью.

«Я решил познакомить Илону с родителями и, конечно, Санобар. Мои жены нашли общий язык, и Санобар приняла мою российскую дочь как свою», – сказал он EurasiaNet.org.

Илона сначала боялась ехать в Узбекистан, но затем поддалась настоятельным уговорам родственников мужа.

«Беспокойство и страх ушли, когда я познакомилась с Санобар и родителями мужа. До замужества я приняла ислам и начала учить узбекский язык. Джалил – очень заботливый муж. Он не пьет и хорошо зарабатывает. У нас большой дом в Абакане и я счастлива», – сказала Илона EurasiaNet.org.

В отличие от Буриева, Нодир Зафаров не торопится рассказывать дома о заведенной им в Казахстане второй семье. Нодиру 31 год и он из Намангана, города в Ферганской долине, отличающегося консервативными взглядами. В Намангане у него жена и сын.

Восемь лет назад он открыл узбекскую пекарню в коммерческой столице Казахстана Алматы. Заботясь о развитии своего бизнеса, он проводил в пекарне много времени и стал реже ездить домой.

«Как-то в Алматы я встретил Сабину. У нее парикмахерская рядом с нашей пекарней. Она – уйгурка. Сначала мы дружили, а потом решили пожениться, совершив исламский [брачный] обряд никах», – сказал Зафаров EurasiaNet.org.

Но, как объяснил Зафаров, если его первая жена узнает, он будет вынужден незамедлительно вернуться домой, так что он сейчас держит свой второй брак в тайне.

В отличие от этих двух мужчин, 34-летний Азиз Нуруллаев, работающий таксистом в Москве, очень хочет забыть о своей жене и дочери в Узбекистане. Он женился на русской женщине, с которой у него два сына, и не возвращался в Узбекистан уже пять лет. Нуруллаев отказался поведать подробности своей истории, но сказал, что твердо намерен остаться в России навсегда.

Подобные примеры многоженства среди трудовых мигрантов можно встретить почти в каждом городе и селении Узбекистана. Тем не менее, этот вопрос почти никогда не упоминался в местных СМИ.

Но затем несколько недель назад президент Шавкат Мирзиёев публично заявил о необходимости принятия нового законодательства для борьбы с многоженством. Объектом его недовольства, судя по всему, были представители духовенства, которые, по его словам, потворствуют данной практике. «Чтобы положить конец этому беззаконию, мы готовим законопроект», – сказал Мирзиёев 19 июня. – Любой мулла, который совершит обряд никах без свидетеля или документов из ЗАГСа, будет наказан».

О данной проблеме не принято говорить вслух, но местные власти регулярно осаждают женщины, требующие, чтобы правительство каким-то образом заставило их мужей или вернуться домой, или, как минимум, оказывать финансовую помощь семье. Жизнь одинокой матери в Узбекистане печальна и тяжела.

«Конечно, местные районные администрации и женские комитеты стараются по-своему помочь этим женщинам. Однако часто жены мигрантов вынуждены смириться с ситуацией, но только при условии, что мужья будут оказывать какую-то финансовую поддержку ребенку», – сказала EurasiaNet.org Мухаббат Нусратова, депутат местного окружного совета в Кашкадарьинской области.

Сергей Абашин, проживающий в Санкт-Петербурге эксперт по Центральной Азии, сказал, что практически невозможно определить масштабы многоженства среди узбекских мигрантов.

«Это неизбежно. Люди не видят свои семьи целыми месяцами и годами. Некоторые из них находят временных партнеров в России, которые затем превращаются в постоянных партнеров. Что касается статистики, если такие случаи имеют место среди, скажем, хотя бы 0,1% приезжающих, то мы говорим уже о 1500-2000 человек. А за несколько лет общее число таких случаев может достичь десятков тысяч», – сказал Абашин.

Если полигамия настолько распространена в Узбекистане, то ответственность за это как минимум частично лежит на религиозных деятелях.

Имам из Кашкадарьинской области Бобохон Рахимов сказал EurasiaNet.org, что он обычно не возражает против такой практики.

«Если мужчина может обеспечить обе семьи, то в этом нет ничего предосудительного. Это также соответствует традициям ислама. Но если человек, который живет за границей, уже порвал с первой женой на родине, он должен объявить талак [обряд разрыва брака]. Или жена может запросить три раза, чтобы муж объявил талак. Если этого не произойдет, то женщина имеет право на повторный брак», – сказал Рахимов EurasiaNet.org.

Если представители духовенства довольно лояльно относятся к многоженству, то власти, как минимум на бумаге, менее склонны проявлять снисходительность. Согласно закону, многоженство или совместное проживание с двумя или более женщинами наказывается штрафом или тюремным заключением сроком до трех лет.

Вот только проблема в том, что пока по этому закону наказали всего двоих человек.

В 2012 году Якуб Нормуродов, начальник местного отдела образования в Сурхандарьинской области, был осужден за полигамию. А двумя годами ранее за то же нарушение лишился своей должности глава отделения МВД города Гулистан.

Проживающая в Москве блогер и журналист Сахиба Хаитова сказала EurasiaNet.org, что многие мигранты пользуются исламскими обычаями для удовлетворения плотских побуждений. А иногда их цели гораздо более прагматичны – брак с гражданином России значительно упрощает процесс получения документов, необходимых, чтобы остаться в стране.

«Я уверена, что большинство узбекских женщин никогда не дали бы согласие на то, чтобы их мужья завели новые семьи в России. Но когда они сталкиваются с такими проблемами, они вынуждены либо самостоятельно кормить себя и детей, либо обращаться к родителям за помощью», – сказала Хаитова.